

The background image is a detailed illustration of a steampunk city street. In the foreground, a man with short brown hair, wearing a dark grey suit, white shirt, and light-colored tie, stands looking directly at the viewer. Behind him, a massive green mechanical robot with a large brass-colored headpiece and circular eye-lenses looms over the street. The robot's legs are also green and mechanical, with visible joints and pistons. The street is lined with ornate, multi-story buildings in a Victorian or Edwardian style, featuring intricate architectural details and hanging flower boxes. The sky is blue with white clouds, and a few small flying machines or birds are visible in the distance.

Четвертый президент. Рассказы

Владимир Баранчиков

Владимир Иванович Баранчиков

Четвертый

президент. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71479111

SelfPub; 2024

Аннотация

В сборнике опубликованы фантастическая повесть-предсказание «Четвертый президент», а также рассказы в жанре исторического реализма и юмора: "Ну и командировочка", "Везунчик Веня", "Невыдуманные рассказы", а также "Грани страха" – три новеллы в жанре хоррор. Завершает сборник фантастический рассказ "Дневник Инопланетянина".

Владимир Баранчиков – писатель и поэт из Санкт-Петербурга. Опубликовал 16 книг на русском и четыре книги на английском языках. Проза автора отмечена на конкурсах: Международный литературный конкурс «Ступень к Парнасу»-2021, национальный литературный конкурс «Неформат» 2022, VI Международный конкурс «Славянское слово» 2023 – финалист фестиваля;; Международный фестиваль "Лебедь Белая", конкурс "Ее Величество книга" – финалист фестиваля 2024 года в Германии. Номинат национальной литературной премий «Поэт года» – 2023 и премии «Наследие» – 2024, награжден медалью «Михаил Лермонтов 210 лет».

Содержание

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ	5
Глава 1. Сауна	6
Глава 2. Закрытое открытие	10
Глава 3. Клиника "Бьюти Пластик"	15
Глава 4. Пятнадцать суток	29
Глава 5. Снова клиника	33
Глава 6. Мир Иной	41
Глава 7. Возвращение в реальность	44
Глава 8. Вербовка	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Баранчиков
Четвертый
президент. Рассказы

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Повесть

Предисловие автора

Эта книга написана до двух важных событий, непосредственно связанных с развитием сюжета повести: специальной военной операции и внезапной кончины человека без имени и фамилии. Оказалось – реальность фантастичнее любых смелых предположений, а скрытые от многих причины внесли важные изменения в нашу жизнь. Тем не менее, повесть публикуется в первоначальной редакции, финал повествования неизменен и, по мнению автора, логично вписывается в существующую парадигму для тех, кто умеет считать до четырех.

Я мог бы вести чудесную, радостную жизнь, не будь я глупцом.

Иоганн Вольфганг Гете. "Страдания юного Вертера"

Глава 1. Сауна

Как-то раз, насмотревшись на "Черный квадрат", решил Василий Петрович Ломакин расслабиться и в одиночестве предаться размышлениям: что главное в жизни, когда отовсюду коронавирусом пугают? Поневоле задаешься таким вопросом, когда у тебя есть все – и университетский диплом, и депутатская неприкосновенность. Сеанс погружения стартовал в мыслительной комнате Васиного особняка, точнее, мыслительная комната располагалась в сауне. Там, где тепло и тишина, и, главное, без женского соблазна, чтоб не отвлекали своими прелестями, ибо сосредоточенность и отстраненность – первое и необходимое условие! А, во-вторых, чтоб рядом стоял столик с горячими сосисками и водкой – а чего такого, а чего такого? Это как раз и не лишнее! Ломакин уважает поэтическое творчество автора текста популярной на все времена песни "За тех, кто в море", тем более, что тема эта была методологически близка и понятна Васе. Уединился бард, взял бутылку коньяка да и стал писать разные слова под рюмочку... Оказывается, гениальное-то все просто, нужно в кармане иметь в свое время всего-то восемь рублей двенадцать копеек за три звезды. Если не врет, конечно. И если водка – эквивалент коньяка в смысле возможности встречи с Музой.

– Но последний тезис нуждается в опытной проверке, –

решил Василий. Наступила пауза, столь необходимая в смелом эксперименте.

– Нет, не врет – однозначно подтвердил Вася после первой, ощутив знакомые шевеления в черепной коробке. – И похоже – эквивалент.

Проблема перестала быть абстрактной и даже стала приобретать некую неуловимую осязаемость. Для снятия этого логического противоречия пришлось тяпнуть вторую. Стало душновато, Ломакин ослабил галстук и расстегнул пиджак на одну пуговицу, но не более – положение обязывает даже в сауне. Процесс пошел, и Василий тихонько начал прямо с припева:

– Я пью до дна, за тех кто в море..., – дожевав огурец, он смелее развил тему и дошел до главной мысли, – Та-рам, па-па-папа – папам, та-рам, папа-папа – папам!

Правильный ритм был найден, дело налаживалось, творческий процесс активизировался, даже лицо покраснело. Он в брейнсторминге! Ох, как лингвист Ломакин ненавидел это слово, все эти англицизмы проклятые, но ничего не поделаешь: метод есть метод. А может, проще выразить по-русски: мозговой штурм? И тут мысль неожиданно закружилась: а с другой стороны, ну чем заменить понятие "доллар", ну не рублем же? Эта внезапная, греховная, явно непатриотичная сентенция отвлекла Петровича от главной трассы его нейронной мозговой коммуникации, рвались тонкие ассоциативные связи... Вот дьявол, его козни! Сразу стало как-то

неуютно, эйфория улетучилась. Возник беспричинный, панический страх, ведь спущена установка: мы избавляемся от доллара! Ну что, забыли, что ли... Ломакин слегка просел и автоматически ослабил ремень на брюках – так, на всякий случай. Правая рука Васи внезапно предательски потянулась к бутылке, реализуя подсознательный рефлекс суперменов – желание добавить, однако левая рука, которая пока еще подчинялась разуму, остановила ее на полпути к заветной цели. Надо было срочно выходить из ступора, и, к счастью, вновь где-то в извилинах прозвучала мудрая мысль:

– Лечить подобное подобным!

Да, именно так, песню – песней, – согласился с профессором Воландом Василий, хотя не понял сути его изречения, и вновь затанул, но уже с пафосом:

– С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре...

На всякий случай он допел до последней строчки, пытаюсь хоть как-то реабилитироваться, и, по-возможности про-никновенно, как Марк Бернес. Правда, голос Василия не отличался силой и обертонами, но тонкая душа, он пел ею... Она то, душенька, неожиданно задрожала, не выдержав глубины эмоций, заложенных в мелодии и простых, понятных каждому патриоту словах, и расплакалась. И тут правая рука Васина вновь вышла из-под контроля и плеснула сразу полстакана. Пришлось пить, залить душу-то...

Ну, а дальше? А что дальше – дальше как всегда. В об-

щем, ночью бесстыжие бабы снились, назавтра балда гудела прилично, пришлось пивком полировать и брать творческий отпуск у самого себя на один день.

Глава 2. Закрытое открытие

– Ну вот по какому принципу в России награждают именами известных людей различные институты государственного масштаба? – озадачился утром с похмела Василий Петрович. Гудящая от боли голова настраивала на критику всего и вся.

– Понятно, что связанные с наукой, техникой и производством – именами великих ученых и конструкторов: Королев, Туполев, Вернадский. Фамилии выдающихся писателей и художников украшают по праву Академию художеств – имени Репина, Институт русской литературы – Пушкинский Дом. Логично – дискутировал сам с собой академик, лежа на перине в своей роскошной голубой спальне. Боль медленно уплывала, возвращая нормальные ощущения и здравые мысли. К вечеру, когда Василию Петровичу вернулось незамутненное сознание исследователя, сформировался вывод, что сауна, как платформа выработки идей себя, увы, исчерпала. Польза от этого была несомненной – следующим утром ободренный Ломакин оторвался от своего забора и пошел в народ. Несмотря на когнитивный диссонанс, рванул на голубом, под цвет глаз, "Бентли", по правильному политическому курсу, в "Ельцинку", где надеялся обрести точную и правдивую информацию. Ну, не в "Ленинку" же рулить, там поди все книги уклонились от правильного курса истории...

На абонементе, читай, на охране, очкастая библиотекарьша бдительной оказалась, страшнее гаишника с бляхой, паспорт потребовала, номер телефона, только дыхнуть в трубочку не предложила (а зря!). После каждого вопроса внимательно, с прищуром смотрела на реакцию академика, а затем анализировала его ответ, как детектор лжи. Пока нудно, издевательски долго заполняла читательский билет с личными данными, у Васи несколько раз земля уходила из-под ног, до чего худо было с похмела в библиотечной духоте, даже почувствовал себя шпионом засланным, ну и конечно, от стресса снова захотелось добавить. Вот так нас бабы и губят, а вы все на 90-е да на катаклизмы списываете...

Но слава богу, наконец закончились диалоги, начались каталоги. С чего начать поиски? Безусловно, с определения понятия! Врага надо знать в лицо, и знать, как его зовут, тоже неплохо для начала – муть лингвистическая, коронАвирус. Короче, взял Василий пару фолиантов по эпидемиологии и вирусологии, прошвырнулся по ним профессорским взглядом и быстро познал суть. Тезисно: что из себя представляет враг? Ответ – вирус. Что такое вирус? Это яд, малюсенькое образование, даже не клетка, невидимое в обычный микроскоп, а только в электронный. И, якобы, эта неклетка влезает в обычную клетку и там размножается, выделяет черт-те что в организм, изменяет что-то там и вот тебе пожалуйста: головная боль как сейчас, температура, кашель, а иногда и тью-тью: заказывайте деревянный макинтош, как говаривал

на стройке в Черемушках студенту Шурику его напарник. А размер этой неклетки – от 50 до 200 нм, то есть НАНОМЕТРОВ. Это была зацепка... От предчувствия удачи, внезапного открытия у Василия Петровича заболел затылок, как у группенфюрера Мюллера, ну у Броневого, одним словом.

– Со старой отцовской буденовки, что где-то в шкафу мы нашли... -

тихо завел мелодию Василий почему-то с середины пятого куплета, почесывая левой рукой макушку, даже не осознавая в тот момент, где он находится. Свободной дрожащей правой инстинктивно нащупал сигарету, в гробовой тишине читального зала вдруг громко щелкнула зажигалка-пистолет. От неожиданности сидящие за столами читатели – телевички хором подскочили на своих стульях. Петрович смачно затянулся "Кэмелом" и ярко, чисто автоматически, выразился по-польски, причем исключительно в пределах приличия, как он потом настаивал отметить в полицейском протоколе:

– Курва дубля два!

Это восклицание свидетельствовало о том, что Василий Петрович прикоснулся к Истине, она была где-то рядом, совсем близко...

Увидев столб дыма в читальном зале и мужчину, изъясняющегося на иностранном, с пистолетом в руке, "очкастая змея" (так охарактеризовал ее гражданин Ломакин в беседе со следователем) вызвала пожарную карету и полицейский наряд. Мы приличные люди, и не будем смаковать дальней-

шие подробности всех перепитий и недопониманий, случившихся с нашим героем этим злосчастливым вечером. Ну да, препятствовал захвату и задержанию, ну, отмахнулся и задел двоих, а что в форме – не разглядел, так это же не со зла! В теплой беседе, сидя на казенном табурете, Вася попросил отнестись к этому с пониманием, сослался на своей академический статус и знание иностранных языков, а справка из психдиспансера избавила его от серьезных проблем. В конце концов, что такое пятнадцать суток по сравнению с открытием, которое он сделал в библиотеке?

Закрытое открытие? Звучит на первый взгляд как бессмыслица, но давайте все же разберемся по простому, на пальцах. Открытие, в двух словах – фундаментальное познание неизвестных ранее следствий из законов природы. Скажем, физики установили явление, что при воздействии электромагнитных сил скорость некой элементарной частицы ускоряется на какую-то величину. Пример, разумеется, условный. И теперь эти ученые публикуют статью в научном журнале о новой закономерности, доказывают ее обоснованность и повторяемость. На этом основании уполномоченный государственный институт, проведя специальные проверки на соответствие критериям, в том числе на новизну, выдает ученым документ, признающий эту закономерность открытием, описывает его суть, авторов и дату его установления (приоритет). Представим себе, однако, что ученые сделали открытие, но не хотят, да и не могут сообщать об этом все-

му миру – в частности, в области ядерной техники или оружия массового поражения. Тогда они направляют свои материалы в то самое национальное ведомство для признания закономерности открытием, но делают его недоступным для неопределенного круга лиц, то есть секретным. В таком случае все материалы, в том числе и решение о признании открытия, также секретны (или совершенно секретны, но это не принципиально). Таким образом, данное открытие неизвестно всем остальным ученым мира и является для них закрытой, неизвестной информацией. И такие случаи на практике имели место. Вот тебе и закрытое открытие: лингвистический парадокс, как сказал бы академик Ломакин, вроде коронавируса.

Глава 3. Клиника "Бьюти Пластик"

Москва, 17 июня 2020 года, среда. В здание на улице Миклухо-Маклая, дом 16, офис известной клиники пластической хирургии "Бьюти Пластик", вошла молодая шатенка в деловом сером костюме с коричневой винтажной сумкой фирмы "Lakestone" и проследовала к стойке администратора. Администратор, представительная дама средних лет, Галина Сергеевна, как следовало из бейджика на ее халате, после вежливого дежурного приветствия поинтересовалась целью визита.

– Я записана на прием к доктору Деканосидзе на 12 часов, – холодно сообщила шатенка.

– Минуточку, сейчас уточню.

Администратор вошла в компьютерное расписание приемов и нашла соответствующую строчку.

– Да, еще раз здравствуйте, Елена Николаевна, – она профессионально улыбнулась милой визитерше, обладательнице больших серых глаз. – Ираклий Давидович вас ждет в своем кабинете. Пожалуйста, сюда – жестом указала на дверь в конце коридора. Словно по дорожке подиума Елена Николаевна, с сумкой через плечо, поплыла элегантно, спортивной походкой по мраморному полу. Галина Сергеевна проводила

ее взглядом — когда-то и она была такой...

Ираклий Давидович Деканосидзе, владелец и научный руководитель клиники "Бьюти Пластик", в свои пятьдесят два года несомненно достиг успеха как бизнесмен и признания как ученый. Родился в Москве, мама — русская, окончил Первый медицинский госуниверситет имени Сеченова и уже в двадцать с небольшим начал строить свою карьеру. После окончания ординатуры по совету своего научного руководителя стал специализироваться в области косметологии и пластической хирургии. Быстро развивая свое дело, он нашел уникальную нишу в этом высококонкурентном бизнесе, защищенном от наездов разной "братвы" авторитетными людьми из Грузии, обосновавшимися в столице, заработал заслуженный имидж талантливого хирурга среди клиентов — бизнесменов, артистов, чиновников и, разумеется, их жен. Женского пола на своем веку он повидал немало; не обладая внешностью Алена Делона, Ираклий, а с годами уже и Ираклий Давидович, увлекал многих дам своим ярким обликом, столь отличным от поднадоевших уже мужей и любовников местного разлива: жгучий брюнет, резкие черты лица и черные, как смоль, горящие глаза. Но главное, что слабый пол чувствовал с первого взгляда, на уровне подсознания — финансовый успех и интеллект. Он покорял женские сердца своей непоколебимой уверенностью, низким голосом, напором голодного самца и мягким обхождением. Весь этот коктейль дамам суждено было испытать с Ираклием по мере раз-

вития их отношений. Молодость уходила, но с годами вырос его научный вес как специалиста, наставляющего юный медицинский персонал, иногда как квалифицированный руководитель, иногда – как владелец фирмы; он не исключал и дружеские отношения, но чаще они переросли в более близкие. Иными словами, женщины для Ираклия Давидовича не были самоцелью и тем более объектом спортивного интереса, а естественной, гармоничной частью его личной жизни. Обеспечив себе достойное финансовое благополучие, Ираклий не стал поклонником золотого тельца, более того, его клиника проводила курс благотворительных операций, которые обеспечили ему непоколебимый авторитет не только в медицинском сообществе, но и во властных кругах. Что любопытно, проживал он в центре Москвы в большой квартире вместе с мамой-пенсионеркой, полной забот об единственном сыне, которого почти всю свою жизнь растила одна и все еще надеялась, что когда-нибудь ее Ираклий женится и познакомит ее со своей избранницей.

Господин Деканосидзе сидел в удобном кресле за пустым рабочим столом, его сильные мускулистые руки хирурга свободно лежали на полированной столешнице. Слева от него располагилась тумба с большим монитором, красивый письменный прибор, листки бумаги и крутой смартфон. Стены кабинета увешаны грамотами, дипломами, наградами компании и ее владельца – Елена Николаевна сразу это оценила, садясь в кресло напротив после традиционных

приветствий и приглашения хозяина к беседе. Ираклий Давидович редко сам принимал гостей, обычно консультировали профильные хирурги, которые вели пациентов по выработанной годами технологической цепочке: консультация, диагноз, схема лечения, подготовка операции и ее проведение, реабилитация. Финансовая сторона определялась на первичном приеме и закреплялась юридически договором оказания медицинских услуг. Клиника "Бьюти Пластик" дорожила своей репутацией, все текущие вопросы решал заместитель директора клиники, которому владелец бизнеса доверял безоговорочно как другу, профессионалу-медику, и как коммерческому директору. Так было разумнее и эффективнее, не вмешиваясь в детали и не навязывая своего мнения, воспитывать хороших специалистов и порядочных людей – в этом Ираклий был щепетилен и принципиален. Свобода от рутины позволяла ему смотреть в перспективу, ездить в зарубежные медицинские центры, изучать их технологии, оборудование и опыт, и, в итоге, быть успешным. Поэтому сегодняшняя консультация была для него редким событием, образно говоря, реверансом прекрасной даме. Он уже даже и не помнил, кто его просил об аудиенции – то ли из правительства Москвы, то ли из управления Минздрава. Да и какая разница?

После первых фраз началось вежливо скрываемое сторонами изучение друг друга. Непринужденность движений и поза визитерши в кресле – прямая спина, высоко поднятая

голова с легкой надменностью во взгляде огромных, почти прозрачных глаз – были сразу оценены хозяином кабинета и свидетельствовали об уверенных манерах и хорошей спортивной форме. Белая шелковая блуза отличного покроя (марки Brunello Cucinelli – добавим мы) мягко сочеталась с тоном одежды, создавая гармоничный облик, свидетельствующий о хорошо развитом чувстве вкуса и финансовом благополучии. Минимум косметики, украшений и пафоса – этот стиль порадовал Ираклия. Он терпеть не мог пустой болтовни и показухи жен некоторых российских мультимиллионеров с "жадными, как у голодных волчиц, глазами", как изволило выразиться одно респектабельное швейцарское издание.

Елена Николаевна – так она отрекомендовалась Ираклию Давидовичу. Ее имя и отчество ожидаемо сочетались с ее естественной русской красотой, но были лишь оперативным псевдонимом. В действительности звали ее иначе, она работала, а точнее, служила сотрудником специального подразделения, консультантом-психологом в солидной организации, не рекламирующей себя и надежно скрывающей свои цели и методы легендой о благотворительном фонде помощи "Добрый Доктор" и его благородной миссии. Школьная золотая медаль, президентская стипендия в медицинском ВУЗе и внеочередные звания на службе свидетельствовали о незаурядных способностях и целеустремленности этой одаренной молодой женщины. Порою обманчивый образ легкомыслен-

ной красоти, как маска, сознательно использовался Еленой Николаевной для решения поставленных задач с представителями сильного пола, многие из которых вставляли в охотничью стойку за соблазнительной "дичью" в ее лице (и теле, будем откровенны до конца). Успешно эксплуатируя этот образ в общении с недалекими, самовлюбленными нарциссами, она все же не заикливалась на его универсальности в отношении самодостаточных мужчин. С первого взгляда, с первых минут общения она расценила владельца кабинета как достойного соперника – что ж, тем ценнее будет победа. Елена Николаевна спокойным мелодичным голосом отвечала на стандартные вопросы, не включая ни грамма обаяния и преклонения перед научным светилом; Ираклий Давидович, в свою очередь, неторопливо вел профессиональную беседу и не разменивался на комплименты, не желая сокращать дистанцию.

– Что привело вас сюда? – с легкой усмешкой поинтересовался хозяин. – Не ошиблись ли вы адресом?

В его вопросе сквозила легкая ирония, пробная стрела, запущенная в самое сердце женской самооценки. Ответ его несколько озадачил:

– Я пришла именно по адресу, где специалисты делают чудеса, – произнесла Елена Николаевна без ложного пиетета. Далее она выдержала паузу, чтобы сказать главное, и неожиданное. – Ираклий Давидович, операция нужна моему мужу.

Далее последовали резонные вопросы: почему сам не при-

шел, кто такой, на что жалуется и чего хочет добиться в результате лечения – в идеале, разумеется. Вот тут по сценарию переговоров Елена Николаевна должна была сделать паузу, вздохнуть, как бы размышляя – раскрываться ли до конца? – а потом продолжить тихо, как на исповеди, периодически бросая просящий взор на собеседника. Так она и сыграла, и Ираклий не заподозрил неискренности в ее словах и почти умоляющем взгляде этих гипнотизирующих женских глаз. Не то что бы поплыл под влиянием невольного и манящего очарования, нет, просто проникся просьбой хорошего человека – как легко мы обманываемся, как легко!

Раздался зуммер смартфона, но Ираклий Давидович его проигнорировал. Хороший знак, автоматически констатировала его собеседница. Она чуть придвинулась к столу, немного наклонилась и доверительно сообщила:

– Мой муж, Василий Петрович, не хотел этой операции, но мне пришлось настоять (пауза) для сохранения нашего брака. Вы, Ираклий Давидович, наверное, сможете меня понять. Мой супруг – солидный бизнесмен, финансово обеспечен, депутат Государственной Думы в прошлом, так что материальные вопросы нас совершенно не тревожат, нас интересует возможность срочной операции под вашим руководством, а лучше вами лично, в течение ближайших дат. Это возможно?

– Мне нужны идеи пациента по типам операций: ринопластика, блефаропластика, фейслифтинг. Нужна фотография

вашего мужа, сколько лет, для начала, нужны факты, конкретика, – настаивал Ираклий, профессионально привыкший диктовать условия. Ситуация интуитивно перестала ему нравиться.

– Мы предварительно консультировались по медицинским аспектам, потребуется все три вида операций, противопоказаний нет.

– Тогда, с учетом срочности и VIP-обслуживания – один миллион 920 тысяч рублей. Готовы сейчас заключить соглашение? – уже напирал Ираклий Давидович, желавший побыстрее избавиться от этой напористой дамы и слить ее к администратору для оформления бумаг вне своего кабинета, компенсируя завышенной суммой некую интуитивную неприязнь к сделке.

– Отлично! Я плачу вам сразу, сейчас... – шатенка открыла свой портфель, вытащила шесть банковских упаковок с купюрами по пять тысяч рублей и аккуратно разложила их на стол перед Ираклием. – Здесь три миллиона, миллион за конфиденциальность.

Дело запахло керосином, как говорят в Одессе.

– Какую конфиденциальность? – Не сдержал своего возмущения господин Деканосидзе, повысил голос и пронзительно посмотрел на Елену Николаевну. Так мерзко его давно не унижали. – Заберите ВАШИ деньги и потрудитесь выйти из моего кабинета!

– Тише, Ираклий Давидович, нас могут услышать! – вдруг

изменившимся, командирским тоном отразила атаку его собеседница. В глазах врача появилось недоумение и растерянность. После небольшой паузы она продолжила нагнетать:

– Вот мое удостоверение, – Елена Николаевна показала изумленному Ираклию книжицу красного цвета со своей фотографией, печатями и полномочиями. – Я представитель специальной службы, а операция – я имею в виду не только медицинскую ее часть – проводится в государственных интересах. Повторяю: в интересах государства. Вы ее участник, как специалист экстра-класса, как гражданин Российской Федерации, и как часть общего плана. Мы могли бы оперировать в медучреждениях Министерства Обороны или МВД, но и там, к сожалению, там нет специалистов вашей квалификации. Мы все проанализировали, если события будут развиваться в обратном направлении, то по этому следу не пойдут – слишком рискованно с точки зрения секретности, но это на первый взгляд. Ваша история, ваше личное дело (Ираклия внутренне передернуло) – анкета, друзья, связи, бизнес и образ жизни тщательно изучены, и, по нашему мнению, с вашей стороны осечки быть не может. Безусловно, тоже касается и пациента. Поэтому я сегодня здесь... Кстати, вот фото, какие вы просили: фото мужа и идеал, к которому надо стремиться, требование – идентичность не менее 95 процентов, раз уж мы стали говорить о цифрах.

Елена Николаевна аккуратно разложила на столе своими тонкими, изящными пальцами шесть фотографий. Обвола-

кивающий аромат ее дорогих духов можно было расценить как легкую анестезию, но вызвал в Ираклии обратную реакцию, еще один приступ внутреннего протеста. Три фото незнакомого мужчины лет тридцати – фас, профиль слева, профиль справа – ничего необычного, и с точки зрения хирурга, сложного: блондин, лицо среднестатическое. А вот остальные... При взгляде на них у выдавшего виды Ираклия Давидовича ухнуло, ушло куда-то вбок гулкое с перебоями сердце. На фото был изображен известный оппозиционер и борец с коррупцией.

– Вот как в жизни бывает – идешь, идешь, все хорошо, бац – и все под откос, и нет тебя, – пронеслось в мозгу Ираклия, глядя на непроницаемое лицо этой... – он даже не смог найти сразу верное определение, – этой...

Он не видел выхода, не знал, что предпринять. И куда делось мягкое дамское обаяние сидящей напротив него визитерши? Маска сброшена, красивое лицо преобразилось, жесткий, пронзительный взгляд. "С жадными, как у волчиц, глазами..." – всплыла из памяти вполне уместная сейчас метафора.

– Вы согласны?

Аргументы за и против. Ну, есть у него связи и правительстве Москвы, и Минздраве, да и авторитеты кавказские – только свистни. Но, как умный и опытный человек, он понимал, что все происходящее с ним сейчас – события совсем другого уровня, и вряд ли кто-то из его окружения способен

реально помочь.

– Хорошо, а если пойти на Лубянку, заявить о шантаже, заявление написать... -Мысли бились в поиске решения. – Нет, не реально...

Ираклий стал сдвигаться. Тем временем его собеседница профессионально следила за его вазомоторными реакциями, побелевшей кожей его осунувшегося, враз постаревшего лица, утратившего привычную уверенность и величавость. Теперь уже пора привести наработанные в тренинге заключительные аргументы и провести быстрый инструктаж, выразив сочувствие жертве:

– Уважаемый Ираклий Давидович, я вас понимаю, непростое решение, исключительное по своей важности... Но ведь оно не противоречит вашим моральным принципам и профессиональной этике? Вот видите, мы предлагаем, даже просим вас сделать привычную для хирурга с вашим опытом операцию, и не более того, вы меня слышите?

Возражений не последовало, значит, согласен, теперь самое время отрезать путь к отступлению:

– Нам достаточно вашего устного согласия. Вы согласны?

Наступил критический момент. В сценарии вербовки были два варианта: либо согласие через десять секунд, либо (маловероятно) набрасывается на Елену Николаевну с желанием ее разорвать на мелкие кусочки. Деканосидзе уложился в десять секунд и выдавил из себя нечто, похожее на "да". Но неопределенность не устраивала его мучительницу, и она

потребовала подтвердить свое слово еще раз, но более отчетливо и твердо, что и было сделано. Ираклий чувствовал себя на краю пропасти, он уже ничего не хотел: ни слышать ее, ни видеть, ни дышать и даже жить. Он ненавидел себя за малодушие. Время остановилось, и пусть далее течет без меня – таковы были невысказанные эмоции морально потрясенного человека. Но профессионалы есть профессионалы, и на этот случай был уготован следующий шаг.

– Мы понимаем ваше состояние и пытаемся вам помочь, только вы сами этому не мешайте. Для вашей безопасности и поддержки мы прикомандируем к вам нашу сотрудницу, молодую женщину, психолога, кстати. Она вас не разочарует. Представьте ее маме как вашу невесту, останетесь с ней на ночь. Она будет вас сопровождать и оберегать от ненужных случайностей. Завтра вы с ней приедете в клинику, а мы привезем пациента, Василия Петровича. А ваш новый друг – с высшим образованием, и к тому же интересный собеседник. Вы можете с ней поговорить на любые темы. Мой вам совет: расслабьтесь, жизнь прекрасна! Смотрите на мир оптимистичней! На мой взгляд, многие мужчины позавидовали бы вам, – сказала она с улыбкой. Клиент созрел, на это потребовалось всего сорок, нет, сорок две минуты. Теперь знакомство:

– Я звоню ей?

– Да – тихо ответил Ираклий. Елена Николаевна достала мобильник из сумки, связалась с кем-то по телефону.

– Кому-то можно позавидовать, – цинично спрогнозировала Елена Николаевна. И вслух:

– Попросите администратора пропустить к нам Татьяну. А теперь надо взять заключительные аккорды:

– Ираклий Давидович, еще немного внимания уделите.

Елена Николаевна внимательно следила за ним, и он на секунду встретился с ней взглядом – взглядом раненого зверя, лишённого свободы. Она продолжала:

– Надо изъять все видеозаписи офиса за сегодня и передать их Татьяне. Разумеется обо всем – об операции, о пациенте и о его оригинале, о моем визите, обо мне, Татьяне, ни слова НИКОМУ. Я повторяю, никому. Ни маме, ни знакомым, ни полиции, ни ФСБ, никому. Мы искренне не хотим, чтобы вы пострадали. Вы меня поняли?

– Да.

– Что можно обсуждать: обычные дела, которые в установленном порядке происходят в клинике, в том числе и лечение Василия Петровича; кстати, оформите договор на два миллиона и сами внесите эту сумму. Для всех – он обычный пациент, не надо особо напрягать персонал – это может вызвать подозрения. Сами ведите себя естественно, сегодня отдохните, вне офиса Татьяна вас везде будет сопровождать. Держитесь с ней как с невестой – должны же вы получить какую-то моральную компенсацию! Меня видела ваш администратор – отправьте ее с завтрашнего дня в отпуск на пару недель, купите ей путевку в экзотическое путешествие в

Испанию, вот визитка турагенства. Мой муж там побывал в марте, ему очень понравилось. Кстати, администратор – ваша любовница? Я в том смысле, что не создаст ли это препятствий для Татьяны?

– Бывшая, ...(пауза), не создаст, – похоже, Деканосидзе стал сговорчивее.

– А, вот и она, – в дверь постучали, и на пороге стояла молодая женщина лет двадцати пяти, в легком летнем платье и легкомысленной соломенной шляпке с лентой под цвет помады на ее сочных губах.

Глава 4. Пятнадцать суток

Незадолго до этих событий, 9 июня 2020 года, мировой судья Тверского районного суда города Москвы оперативно рассмотрел обвинение бывшего депутата, хулигана-академика Ломакина В.П. и припаял ему положенные законом пятнадцать суток административного ареста для пребывания в спецприемнике номер 1 на Петровке. Место шикарное, здесь и посидеть не грех, рядом все культурные точки: Большой театр, ЦУМ, "Националь", родная Дума, да и Кремль тоже недалеко. По прибытии оформили, и не так строго, как в Президентской библиотеке, но мобильник и зажигалку изъяли.

Попал он в камеру на двенадцать персон, железные кровати, трехразовое питание, принудительный труд отсутствует, сиди да книжечки почитывай – считай, что снова в читальном зале. Или в сауне, то бишь мыслительной комнате. Зачем драгоценное время терять? Сконцентрировавшись, отключившись, Ломакин вошел в состояние транса, и творческий процесс, как говорится, пошел вновь. Рассуждения Василия Петровича строились по следующей логической цепочке: коронавирус – нанометры – нанотехнологии – "Роснано" – руоводитель "Роснано" – его отставка – закрытое открытие – назначение спецпредставителем президента – вновь отставка. С непривычки работать с большими объемами ин-

формации, да еще в таких условиях, крайне сложно. Ломакин откинулся на койке, не торопясь делать какие-либо поспешные умозаключения. В голове шумело от неимоверного напряжения; наш герой подвергался тяжким испытаниям во имя человечества, над которым нависла угроза пандемии ковида поганого. Он посвятил себя анализу и составлению цепочки фактов, он свободен в своем полете мысли, и никакие решетки на окнах не могли этому помешать. Каждое звено цепочки упорно вызревало в Васином мозгу целый день (с перерывом на завтрак, обед и ужин), а следующие сутки уходили на строительство нейронного мостика к другому звену, так что за срок уединения соединилось восемь звеньев, неумолимо ведущих к разгадке. Возможно, будь срок заключения побольше, и звеньев бы прибавилось, однако и это количество вызывало периодическое переполнение мозговой активности, и помогало только одно – железная воля мыслителя. Внезапно появилось стойкое предчувствие, что правда вот-вот откроется в процессе релаксации и полного слияния с мировым разумом. Смесь пива с водкой явилась бы надежным ускорителем и проводником Василия Петровича в мир истины, и чем было больше проводников, тем быстрее бы шло путешествие к сияющим вершинам знания. Но ИВС – не театр, буфета не предусмотрено, приходилось думать насухую, и мысли терлись друг о друга без смазки, вызывая сильный скрежет в голове. Возможно, что эти звуки нет-нет и вырывались наружу через слуховые проходы, а уши, как

естественные резонаторы, усиливали их настолько, что соседи по камере стали как-то странно коситься на Ломакина. Но это не смущало первопроходца от науки: он находился уже в другом физическом измерении и не замечал ничего вокруг. Вдруг в голове Василия что-то щекнуло, и вот разом отступили все препятствия, впереди была прямая, блестящая дорога к заснеженным вершинам, потом дорога ушла куда-то вниз, как взлетная полоса аэродрома, и Ломакин уже парил в небе, направляя полет своих крыльев к сияющему кругу на синем небосводе. Чтобы не сорвать сеанс ясновидения, Василий сделал в полете еще несколько махов руками. Подлетев поближе, он увидел, что круг превратился в круглую вращающуюся дверь, точно как в отеле "Англетер" в Питере, а у двери не было никакой охраны, ни апостолов из рая, ни ангелов из ФСО. Странно... Но останавливаться не было никакого смысла, только вперед! На всякий случай Вася отхлебнул еще чуток для храбрости (и откуда водка взялась?) и сделал два шага к голубоватому стеклу. Дверь ушла куда-то в сторону, включилась синяя иллюминация и какой-то загробный голос произнес:

– С тарой вход запрещен!

– С тарой вход запрещен!

Пришлось допить (так и спиться недолго – автоматически отметил Василий Петрович) и бесстрашно войти в Мир Иной. Об этом визите через национальную цифровую налоговую систему сканирования и контроля сознания индиви-

дуумов стало известно в благотворительном фонде помощи "Добрый Доктор".

18 июня в аэропорту Домодедово, на втором этаже, в зоне вылета check-in номер 38, ждала приглашения на посадку Галина Сергеевна, администратор клиники "Бьюти Пластик". У ее ног стоял большой синий чемодан на колесиках, в руках она держала коричневую сумку фирмы "Lakestone", которая эффектно сочеталось с цветом ее серого брючного костюма фирмы ... – впрочем, нам отсюда не определить. Через пять часов, по расписанию, ее "Боинг" приземлится в аэропорту Барселоны. Со слов менеджера компании, оформляющей ваучер и билеты – лучший в мире туристический центр и курорт.

Глава 5. Снова клиника

Оперативная служба благотворительного фонда "Добрый Доктор" утром 25 июня срочно разыскивала гражданина Ломакина Василия Петровича. По месту проживания субъект не находился, мобильный телефон не отвечал. Неофициальный запрос в справочную ГУВД Москвы дал информацию о пребывании означенного лица на перевоспитании в ИВС №1 на Петровке, 38. К двум часам дня по указанному адресу прибыл служебный микроавтобус марки "Мерседес Вито" с затемненными стеклами и госномером, выданном хлебозаводу № 22 города Москвы, что на улице Академика Павлова. Академик приехал за академиком – такого нарочно не придумашь. Бравые ребята оперативно решили вопрос с начальством (неудивительно), забрали личные документы арестанта, вытащили неувядающего Ломакина с его вещичками и умозаключениями с насиженного места и усадили в кресло салона авто. У Васи было такое ощущение, что этот маршбросок – просто новый режим лишения свободы.

– Хорошо, что хоть пообедать успел, – порадовался он. – Куда теперь везут?

Водитель и сопровождающий оказались мужиками серьезными и неконтактными, на приставания не обращали внимания и всем своим поведением демонстрировали нежелание чисто поговорить. Вася по звездам сориентировался,

что везут куда-то на юг, подальше от Полярной звезды и Большой Медведицы.

– Значит, не в Шереметьево, и не в северную Венецию, – затосковал Василий. В прошлом году он с питерскими прилично погулял в "Невском Паласе": богатый ресторан, номера, девочки... Вспомнить приятно.

Автобус уже мчался в потоке по Профсоюзной и свернул направо, на улицу Миклухо-Маклая. Подъехали к комплексу серых шестиэтажных зданий, образующих в плане подобие пчелиных сот, на пятом этаже соседние корпуса соединялись двадцатиметровым стальным коридором. Судя по бетонным стенам и отсутствию архитектурных излишеств, какое-то казенное ведомство или больница, главное – решетки на окнах отсутствовали. Ну, узнику совести особо выбирать не приходится, куда послали, туда и посол. Въехали за металлическую ограду во двор, машина остановилась. Охранники молчали, сам мол соображай, на выход! Ломакин неторопливо вылез из автобуса с кожаным чемоданчиком, размял затекшие ноги и произнес с чувством:

– Аста ла виста, бейби!

Эти двое дубов почему-то относились к нему как к идиоту, от которого можно ожидать все, что угодно, поэтому никак не отреагировали на его реплику. Они, очевидно, не подозревали об академическом статусе Ломакина, да и испанский слышали не каждый день, так что не смогли уловить нюансы подлинного каталанского диалекта в исполне-

нии Виктора Петровича. Несвятая троица дотопала до ступенек крыльца перед стеклянными дверями, над которыми виднелась неоновая вывеска "Клиника "Бьюти Пластик".

– Бьюти – это хорошо, это не ужасы казематов, – изрек про себя Василий. Вообще сегодня у него с самого утра было хорошее беспричинное настроение, и казалось, никакие черти не могли его испортить. Срок ареста закончился, разгадка головоломки близка, впереди – новые открытия! Он даже улыбнулся у стойки администратора счастливой, незабываемой улыбкой рокового красавца молоденькой девице в халате и колпаке с красным крестиком, а потом игриво подмигнул ей: как дела, крошка? Нет, это не флирт, просто таким способом в ее лице представитель научной элиты пытался выразить свое расположение к представителям слабого пола в целом, за исключением той очкастой из библиотеки.

Два охранника (чтоб не сбежал) препроводили Васю в знакомый нам кабинет научного руководителя и владельца клиники. Василий даже в коридоре не утратил своего игривого настроения, его лишь удивляла необъяснимая цель переезда – право, зачем же было так беспокоиться! Все было просто прекрасно, верный признак того, что беда маячит где-то неподалеку – говорят знающие люди. Веселая мина на физиономии Ломакина застыла и лишилась запала оптимизма, наткнувшись на серьезное выражение лица мужчины южных кровей, сидящего за большим рабочим столом. На столе лежали какие-то бумаги. Водитель автобуса присел на

кресло у двери, второй бугай – у окна, а Ломакину указали место у стола, как раз напротив хозяина.

– Здравствуйте, Василий Петрович, – гость лишь успел повернуть свое "Здрав...", но хозяин прервал его и невозмутимо продолжил, – Я рад вас приветствовать в нашей клинике. Меня зовут Ираклий Давидович, я главный врач медицинского центра.

Здесь дали возможность что-то сказать и академику, настроенному по инерции на лирический лад:

– Взаимно, Ираклий Давидович, рад знакомству с вами. Я...

Тут его снова бестактно перебили:

– Позвольте вас прервать... Вы знаете, почему вы здесь? Вас доставили сюда, поскольку есть существенная и срочная проблема, связанная с состоянием вашего здоровья.

– Моего здоровья? – Василий явно не устраивала навязываемая ему роль функционала, который сейчас будут дифференцировать. Первый акт драмы неумолимо разворачивался на его глазах. – А в чем дело?

– Как давно вы обследовались у врача, сдавали анализы, УЗИ? Отвечу за вас – давно. Однако по прибытии в ИВС на улице Петровка был сделан контрольный анализ крови – таков порядок. И вчера мне, как специалисту в области онкологии, переслали эти результаты по электронной почте. Взгляните...

Ираклий Давидович протянул Васе какие-то трафаретные

формы с титульным листом, синими печатями, и заключением внизу: результаты тестирования выше нормы в 2-3 раза... У Василия стало сухо во рту, зарябило в глазах, он несколько секунд внимательно смотрел на эти столбики и строчки с циферками, но не хотел понимать ровным счетом ничего. Совсем ни к месту в мозгу лингвиста зазвучали знакомые строчки:

– Ты помнишь, как все начиналось...

Видимо, ум академика не согласился воспринимать эти шокирующие новости объективно и адекватно, оберегал от страшного вывода и спасал себя и, по-дружески, самого Василия Петровича от апоплексического удара. Ломакину вдруг стало холодно, затряслись и руки и ноги, он пытался безуспешно остановить эту неконтролируемую пляску, но конечности ему уже не подчинялись. Врач среагировал быстро: налил воды в стакан и протянул его Василию. Стакан удалось удержать в руке, но кисть ходила ходуном вверх и вниз, вода расплескалась, и уже не зубы стучали по стеклу, как принято говорить, а именно стакан бил по зубам, не давая толком сделать глоток. Через минут пять, после корвалола и дыхательных упражнений под контролем Ираклия Давидовича, стало немного лучше, телесные вибрации исчезли. Василия Петровича сопроводили на кушетку, расстегнули воротник рубашки, под голову подложили маленькую подушку. С этой минуты охранники были уже не нужны, на страже уже стоял медицинский персонал клиники.

Пациента перевезли в отдельную палату, помогли переодеться в больничный наряд и уложили отдыхать. Через полчаса пришла процедурная медсестра в голубом хитоне, умело выкачала из вены три пробирки крови и унесла с собой. Оставила еще банки-склянки для анализов и рассказала что, куда и как. Все происходило будто не с ним, Василием Петровичем Ломакиным, а с кем-то другим, а сам Вася как бы наблюдал за этим со стороны на безопасном расстоянии, свесив ножки с белого облака на небе голубом. На душе была пустота, как после крупного проигрыша в казино: ни о чем не думать, ничего не видеть и ничего не слышать. Потом привезли то ли обед, то ли ужин на небольшом столике, Вася поковырял в тарелках обессоленную, безвкусную пищу, даже хлеб показался каким-то больничным. Когда увезли посуду, арестант прилег на кровать и устремил свой взор на потолок в поисках на нем трещинок и паутинок на белой краске – оценивал ситуацию. Видимо, он забылся и уснул без сновидений, когда его разбудили чьи-то шаги. Открыв глаза, он узрел демона в халате, очень похожего на Ираклия Давидовича, с бумажной папкой вроде скоросшивателя.

– Дело Ломакина В. П., – подумал Вася – с сарказмом у него было все в порядке. Да, это была его история болезни, его история. Врач расположился на стуле рядом с ним и приступил к промыванию мозгов:

– Как ваше самочувствие? Что беспокоит?

Мягкий, почти вкрадчивый тон эскулапа почему-то разо-

злил Василия.

– Вы меня беспокоите, любезный, – чуть не сорвалось с языка. – Спасибо, ничего не беспокоит.

– Ну и славно. Мы, как положено, уже сделали ряд анализов. Остальные – завтра утром, натошак. Вечером снимем кардиограмму, проведем биопсию, ну и пожалуй, на этом этапе пока все.

Ломакин молчал, как честный российский коррупционер в гестапо.

– Если все пойдет как надо, завтра будет проведена подготовка, а после завтра – операция...

Тут уж Вася не выдержал:

– Какая операция!? – воскликнул он с обидой и злостью. – Я не понимаю...

– Операция будет полосная, под общим наркозом, длительностью часа на три-четыре. Оперировать буду я со своими ассистентами. Наша клиника делает подобные дважды каждую неделю. Поверьте, риск ничтожный, прогноз благоприятный, тем более при ваших объективных показателях и этапе болезни.

– Какой болезни? А можно операцию не делать?

– Операцию можно отложить на некоторое время, но тогда вероятность положительного ее исхода существенно уменьшится. Но дело не только в этом, Василий Петрович. Мало сделать операцию, не менее важен послеоперационный период – недели две-три.

– А какой у меня диагноз? Ведь меня серьезно ничего не болело до сегодняшнего дня?

– Крепитесь, Василий Петрович! Я вынужден вас огорчить – у вас рак желудка третьей стадии, подтип А, если быть точным, – вздохнул врач. – Но мы вас вылечим, будьте уверены.

Легким, привычным жестом он дотронулся до Васиной руки. Вася побелел, умолк, предметы вокруг него стали терять четкие очертания, задрожали, окружающий его мир стал отдаляться и терять смысл своего существования. Понимая состояние больного, Деканосидзе попрощался, тихо вышел из комнаты и оставил его одного для осознания реалий бытия. Рядом с палатой на стуле дежурил симпатичный плечистый парень и смотрел картинки в своем телефоне. Через десять минут Татьяна, "невеста" Деканосидзе, получила сообщение по e-мейл:

– Буду дома к восьми часам. Целую, Ираклий.

Это означало, что все идет по плану. Игра продолжалась. На завтра Ломакина быстро подготовили к операции, сделали необходимые процедуры, отвезли на каталке в операционную и провели общую анестезию. Пациента ввели в состояние глубокого сна, чувствительность и сознание полностью отсутствовали.

Глава 6. Мир Иной

Дверь ушла куда-то в сторону, включилась синяя иллюминация и какой-то механический голос произнес:

– С старой вход запрещен!

Ломакин оказался в огромном зале с высоким куполом, канделябры там всякие...

– Ну вылитый Исакий в Питере! – мелькнула мысль.

– Не Исакий, а Исаакиевский собор, не Питер, а Санкт-Петербург, северная столица, – ответил могучий бас где-то в мозгу.

– Вы говорите мне без голоса, а я вас слышу без ушей? – помыслил Вася.

– Совершенно верно, академик Ломакин.

– А откуда вы знаете..? – не успел оформить мысль пораженный академик.

– А мы все знаем! Знаем даже, зачем ты к нам пришел и что тебя тревожит.

– А кто это ВЫ?

– Мир Иной. Или ты ошибся адресом? Табличку при входе видел?

– Нет, не видел, – упавшим голосом поделился пока еще живой Вася.

– Значит, табличка на реставрации. Меня зовут Диктатор. Это и моя должность, и хобби, кстати, – зарокотал бас.

– Буэнос диас, синьор Диктатор, – с перепугу мозг Васи выдал на испанском.

– Не важно, мы понимаем все языки нашей планеты.

– Почему ВАШЕЙ? А как же мы, человечество?

– Ха-ха-ха! – диктатор впервые проявил эмоции. – МЫ. Человечество – младенцы, временные жильцы на Земле и к тому же наши рабы.

– Как рабы? Мы, люди, сами победили рабство, и на всей планете...

– Не пори чепухи, это тебе не в телевизоре балабонить, – перебил его Диктатор. – Вы, двуногие агрессоры, живете на Земле всего-то сто тысяч лет, а мозги получили по нашим меркам лишь вчера. Мы – это царство вирусов, жили на этой планете уже в палеозое раннем, пятьсот миллионов лет назад, у каждого из нас корона! Приходим и поработаем вас, поселяемся в организме людей и живем в нем, сколь нам угодно. Семь миллиардов – цифра неоптимальная, и мы ее корректируем по необходимости.

– А мы можем жить с вами в мире, без конфликтов?

– Исключено, конфликт заложен изначально, планета одна, вы – жертвы, двусторонний симбиоз исключен, это война миров. Ты что, Уэллса не читал?

– А как мне вас победить? – от отчаяния задал безумный в этой ситуации вопрос бедный Вася.

– А ты спроси у спецпредставителя президента по связям с международными организациями... И с нами, как понима-

ешь, тоже. Давненько мы с ним не общались, в гости ждем, передай ему от меня коронный привет.

– Так что, он знал о пандемии?

– Ты что, дитя малое? А еще академик. Ты думаешь, кто его в 90-х к власти привел? И "Роснано" мы организовали, и его мы поставили – для организации пандемии. Через своих людей... Так что нанотехнология и наш размер в твоем теле – не случайное совпадение. Вот тебе и закрытое открытие.

– Правительство России назначило, а не вы, – пытался сопротивляться воспаленный мозг Ломакина.

– Правительство содержало, точнее, такие налогоплательщики, как ты... Прощай, Ломакин, и не забудь мой приказ. Даю тебе неделю. Не уложишься – заказывай деревянный макинтош, а корону я тебе сам подарю, на крышку гроба положат торжественно. Слово "Академик" отольем в золоте, или ты предпочитаешь другой цвет?

Ноги Василия Петровича вдруг ослабли, колени подогнулись и он потерял сознание. Но мозг его не отключился, и он смог услышать последний диалог в Ином Мире:

– А куда его отправить, Ваше Короносиятельство?

– В Сибирь, конечно. Надо все четко организовать и добиться в этот раз успеха. Не как в Солсбери. Создадим новый повод для международных конфликтов и журналисткой трескотни. И не забудьте – скоро по плану волнения в США и война в Европе. Повод придумайте сами, Куратор.

– Будет исполнено...

Глава 7. Возвращение в реальность

Очнулся Василий Петрович в реанимационной палате. Он лежал на больничной койке под одеялом, глаза смотрели в белый потолок с квадратами встроенных светильников, тяжелые веки стремились вновь сомкнуться от яркого искусственного света. В помещении никого не было. Над головой весела какая-то конструкция, по видимому, вентиляция. Маска со шлангом, позволявшая дышать, закрывала почти все лицо. Тела он не чувствовал, вокруг висели какие-то трубки, провода, слышно было только тикание аппаратуры. Стук сердца еле различим, дыхание неглубокое и сиплое. Почему-то сильно саднило горло. Если бы он смог понять голову, то он бы увидел входную дверь на противоположной стене, а окно – с другой стороны. Справа, у кровати, стоял желтый кронштейн с подставкой для банок. Из одной из них тянулась прозрачная трубка с зажимами, которая скрывалась под лентой на его руке. Капельница снабжала его лекарством, в бутылочке булькали маленькие пузырьки с периодом несколько секунд. Его оставили не надолго, пакет с раствором уже почти пуст, и медсестра скоро придет. Мозг устал анализировать, веки сомкнулись, и он провалился в небытие.

Через некое время он вновь пришел в себя, открыл глаза, и видение повторилось. Зрачки не сразу привыкли к свету и

долго фокусировались на сетке воздушного фильтра над головой – на светильники по-прежнему было больно смотреть. Слух уловил знакомое тикание и жужжание приборов, маска и капельница в том же положении, дыхание неглубокое, уже ровное, сердечный ритм спокойный. Но что-то изменилось в нем – он почувствовал свое тело, руки, лежащие на покрывале, ощущение спины на кушетке и затекшие от неподвижности ноги. Язык был тяжелым и сухим, хотелось пить. Шея отекала от напряжения, он даже не мог пошевелить головой. Но главное – он почувствовал свое лицо. Кожа на нем стягивалась, легкие покалывания ощущались в области глаз, щек и подбородка. Боли не было, было чувство невесомости, существовало время и пространство, и более – ничего.

– Вы меня слышите? – раздался тихий, спокойный женский голос. Его веки дрогнули, горло что-то пыталось выдавить из себя, но ничего не получилось.

– Если да, моргните один раз. Нет – два раза.

– Да, – ответили глаза.

– Вы на интенсивном курсе лечения, скоро вам будет лучше. Ощущаете боль?

– Нет.

– Вы что-нибудь помните, как сюда попали?

– Да.

Конечно, он помнил, как его забрали с Петровки, затем приехали в какую-то клинику, где его уже ждали. А потом операция, наркоз, и все...

– Спасибо. Сейчас надо отдохнуть, постарайтесь уснуть. Вам будет легче.

Черные глаза медсестры внимательно смотрели на пациента, пытаясь оценить его состояние и правдивость его ответов. От этого зависела его жизнь, и это было важно, критически важно не только для него самого.

Через два дня больного перевели из реанимации в обычную палату, однако лечение не прекращалось – ставили капельницы, кормили через трубочку. Временами он силился вспомнить тот то ли сон, то ли сеанс телепортации в Иной Мир, но образы и диалоги путались, наслаивались, не складывались в единую картину. Но желание восстановить то видение, ибо в нем скрыта важная истина, которая известна лишь ему, Василию Ломакину, его не покидало. Постепенно стали возвращаться силы. При очередном визите Ираклия Давидовича он попросил разрешения пользоваться смартфоном, но в этом ему было отказано. Он пока не мог понять, какую операцию он перенес. В его голове происходила какая-то путаница, лекарственные препараты искажали четкость мысли и предшествующие события, все было как в тумане.

Любая пластическая операция вызывает психологический стресс даже у психически здоровых пациентов. В случае с Ломакиным зоны вмешательства были очень большие и довольно травматичные. Зато на плоский и подтянутый живот порадовал отсутствием ужасающих швов и гема-

том, обычных после полосной операции. Кроме того, после окончания курса обезболивания присутствовал физический дискомфорт, который полностью выбил Василия из обычного ритма жизни. Именно поэтому уровень стресса были столь велик, что Ираклию Давидовичу пришлось организовать несколько сеансов психотерапии. Тем не менее, первый психологический шок и откровение, к которому пациент не был эмоционально готов, не заставил себя ждать.

На пожелание встать с постели врач объяснил Василию, что координация его еще слабая, и может закружиться голова. Когда Василий Петрович впервые подошел к зеркалу и заглянул в него, ни с чем не сравнимое чувство ужаса вспыхнуло в его измученных глазах с набухшими после операции веками, животный страх пробил его, как электрический разряд, от макушки до самых пяток: на него смотрело не его, а чужое, отекавшее лицо. Присмотревшись повнимательнее через свои щелочки, он осознал, что на него из зеркала смотрит незнакомый человек.

Василия Петровича привели в чувство после легкого обморока, дали возможность отдышаться и отлежаться под присмотром Ираклия Давидовича, который поведал бедному и психически надломленному, а в прошлом счастливому и веселому человеку, о проведенных пластических операциях по приказу некой всемогущей организации, которая и приказала его поместить в эту клинику. Резонный вопрос – зачем, с какой целью? Об этом лечащий врач не знал, в чем

он искренне и заверил Ломакина. Более того, жизненный опыт мудрого господина Деканосидзе подсказывал: благоразумнее держаться подальше от чужих секретов – целее будешь. Он объяснил Василию, что его задача – провести операцию и поставить его на ноги в течение двух-трех недель, а дальнейшее ему неизвестно. Это было похоже на правду; тем не менее, Ломакин не мог простить его за чудовищный обман и соучастие в этом грязном деле, которое под силу только настоящим интеллектуалам без страха и упрека, без явно излишних, отягощающих жизнь гуманных принципов. Понимая это, Ираклий Давидович, так сказать, подсластил пилюлю, тожественно открывшись Василию, что онкологический диагноз – просто блеф, благодаря которому медикам удалось уложить его на операционный стол.

– Радуйтесь, Василий Петрович! Посмотрите на это с другой стороны. Онкологии у вас нет, вы здоровы как бык, да еще с новой, извините, более известной внешностью, чем были! И реабилитация протекает успешно.., – уверенно излагал он своим баском.

– А что мне теперь с ЭТОЙ внешностью делать прикажете? – взорвался Василий.

– Без понятия, друг мой! Но как врач предупреждаю: берегитесь переживаний, они искажают лицо и могут повредить еще слабые швы, так что соблюдайте режим и храните по возможности, олимпийское спокойствие! Никаких эмоций! Пейте больше чистой воды и спите, пожалуйста на спи-

не, это позволит избежать нежелательных отеков...

2 июля 2020 года, четверг. В Барселоне прекрасная летняя погода, температура воздуха плюс 29 градусов Цельсия, вода – плюс 24 градуса. В отеле "Бе-Моль" и на городском пляже толпы загорелых туристов, многие с детьми, разгар летнего сезона. Администрация отеля предпринимает все усилия по сокрытию неприятного инцидента с одной из его постоялиц, дамой средних лет из России, случайно выпавшей из окна своего номера на пятом этаже. В номере отдыхающей не обнаружили ничего необычного – стандартный набор путешественника: паспорт, личные вещи, недорогие дамские ювелирные украшения, синий чемодан и коричневую сумку фирмы "Lakestone". Валюты и банковских карт в наличии не оказалось. Анализ записей камер слежения силами секьюрити показал, что накануне ее видели в баре в компании с импозантным мужчиной с бородкой и модной прической "мэн бан", но это подробности частной жизни, вмешательство в которую строго осуждается законом и считается дурным тоном в современном светском обществе.

Глава 8. Вербовка

– Да уж, вы в своей жизни накуролесили, уважаемый Василий Петрович! – Елена Николаевна, или как ее там зовут, давила на психику Ломакина в секретном офисе благотворительного фонда помощи "Добрый Доктор", листала его личное дело и готовила кандидата к благородной миссии. – Я уже начинаю сомневаться в правильности нашего выбора, тут внешнее сходство, конечно, сильно повлияло, ну, и ваши амбициозность и авантюризм. Одно только то, что вы вляпались в Думе в этот дурацкий проект закона о новом ордене... Хорошо, что компетентные органы не завели дело об антигосударственной деятельности и призывах к экстремизму! Придумать только – народ сам выдвигает своих героев! Демагогия! Да будет вам известно: неконтролируемая инициатива снизу – это подрывная деятельность!

Обновленный, с внешностью известного политика, Ломакин растерянно молчал, не смея возразить, чем очень напоминал поведение мультяшного Крокодила Гены в беседе с милиционером при дознании о пропаже строительного катка. Не объяснять же, что стремился расширить демократические права народа в соответствии с духом Основного Закона, что в соответствии с Конституцией каждому гарантируется свобода мысли и слова. "Кто не ошибается вместе со всеми, тот уже ошибся." Бесполезно...

Психолог-консультант смотрела на Василия Петровича и оценивала его готовность к дальнейшей работе и, как бы это помягче выразиться, к добровольному сотрудничеству. В спецслужбе кроме штатных сотрудников, к которым относилась сама Елена Николаевна и ее коллега Татьяна Леонтьева, были еще внештатные сотрудники вроде пенсионеров ФСБ и МВД; были агенты, граждане разного возраста и пола, достойные представители народа, от слесаря до члена-корреспондента Академии наук или народного артиста, которые выполняли деликатные и порой опасные поручения, причем в миру они могли носить маски диссидентов, противников власти, оппозиционеров, стойких идейных борцов против правящей партии и так далее. Следующая категория – доверенные лица, которые в рамках проводимого расследования осуществляли какие-либо действия в пределах своей компетенции, но в интересах спецслужбы, например, хирург Деканосидзе. А остальные – это прочие, просто граждане, и в этот момент психолог определял ту категорию, в которую можно было вписать гражданина Ломакина, лингвиста-академика, бывшего депутата.

– Но мы, Василий Петрович, понимаем, что никто не свободен от ошибок, важно проанализировать их и идти уверенно дальше по жизни правильным путем. И трезво, подчеркиваю – трезво, отныне и навсегда, принимать любые решения. У вас уникальное положение – уникальное и в политическом, и физическом смысле лицо, и реальная возможность

проявить себя как истинный патриот России. Я предлагаю вам сотрудничество с нашей организацией. Предлагаю вам принять участие в сверхсекретной операции по дискредитации врагов нашей Родины.

Василий молчал и грустил. Не хотелось, ох, не хотелось расставаться с привычным стилем жизни, добрыми намерениями и не очень добрыми привычками. Но как сложится его жизнь, если он откажется? Припертый к стенке, он понимал, что ему с таким лицом теперь – ни в Думу, ни в Красную Армию... Однако сдаваться просто так, без боя, без торга, не желал. И после паузы выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.